

УДК 327(100-87)
DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-1-46-53

«МЯГКАЯ СИЛА С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ»: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКОГО ПОДХОДА К КОНЦЕПЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

“SOFT POWER WITH CHINESE CHARACTERISTICS”: THE MAIN FEATURES OF THE CHINESE APPROACH TO THE CONCEPT AT THE PRESENT STAGE

М. И. Гарбарт, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск
maxharbart@yandex.ru

M. Garbart, Humanitarian Institute of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Рассматриваются основные положения «мягкой силы» в интерпретации китайских исследователей и политиков. Описываются критерии «мягкой силы», выдвинутые создателем концепции Дж. Наем, и сравниваются с современными подходами в китайском научном сообществе. Дан анализ идей и положений, составляющих основу концепции «мягкой силы» в китайских реалиях. Доказано, что «мягкая сила» заняла значимое место в политической стратегии китайского руководства. Установлено, что, несмотря на широких круг общих черт, подходы к изучению и реализации «мягкой силы» на Западе и в Китае обладают значительными различиями. Отмечено, что китайские исследователи и политики рассматривают «мягкую силу» не только как инструмент внешней политики, но и как способ решения внутренних задач. Методологическую основу статьи составил сравнительный анализ подходов, сформировавшихся в западном и китайском научном сообществах, анализ выступлений китайских политиков и работ китайских исследователей. Сделан вывод, что, обладая уникальными особенностями, китайская интерпретация концепции «мягкой силы» находится в стадии становления, происходит процесс формирования независимого научного направления. Автор обращает внимание на то, что руководство КНР стремится активнее использовать инструменты «мягкой силы», формируя позитивный имидж как внутри страны, так и на международной арене.

Ключевые слова: Китай; «мягкая сила»; внешняя политика Китая; внутренняя политика Китая; «мягкая сила» культуры; мирное возвышение Китая; международные отношения; взаимодействие; несиловое влияние; инструменты международного взаимодействия

The article covers main features of “soft power” concept interpretation by Chinese scholars and elites. The fundamentals of “soft power” introduced by Josef Nye are described and compared with approaches existing in Chinese academic community. The ideas and statements forming the basis of “soft power” concept in Chinese environment are analyzed. Undoubtedly “soft power” now takes an important place in Chinese authorities’ political strategy. Despite the wide range of common features, western and Chinese approaches to “soft power” practice and research share major differences. Remarkably, Chinese researchers and politicians view “soft power” not only as a foreign policy tool, but also as a domestic instrument. Methodological basis of the article includes comparative analysis of “soft power” research in western and Chinese academic communities, analysis of Chinese politicians’ speeches and Chinese research papers. It is concluded that Chinese interpretation of Soft power has unique features, but is still in the process of formation, the independent scientific field is still developing. The author notes that Chinese government is seeking to use “soft power” tools more actively both internationally and domestically

Key words: China; “soft power”; China’s foreign policy; China’s domestic policy; “soft power” of culture; peaceful elevation of China; international relationships; interaction; non-force influence; international collaboration tools

Введение. Многогранность сферы международного взаимодействия определяет существование широкого круга независимых концепций, подходов к изучению международной жизни, объяснению различных феноменов международных отношений. Благодатную почву для возникновения новых идей дают процессы трансформации системы международных отношений, активно разворачивающиеся в последние несколько десятилетий. Эти процессы включают, с одной стороны, углубление глобализации, рост экономической интеграции и общей взаимосвязанности, а с другой — усложнение системы акторов международных отношений, рост угрозы возникновения новых международных угроз и обострения старых конфликтов. В результате возникают новые теоретические подходы, предпринимающие попытку объяснения, систематизации и прогнозирования происходящих перемен. Одним из таких новых подходов в международных отношениях является концепция «мягкой силы». Современный Китай привлекает внимание исследователей активным использованием инструментов «мягкой силы». Тем не менее в академической среде пока не сложилось единого понимания того, каким образом Китай интерпретирует эту концепцию, какие цели и задачи ставит при развитии собственной стратегии «мягкой силы».

Методология исследования. В данной статье описаны основные особенности подхода китайских исследователей и политиков к «мягкой силе», определены отличия от «классической» интерпретации концепции, впервые разработанной Дж. Наэм. Методологическую основу работы составляют сравнительный анализ подходов, сформировавшихся в западном и китайском научном сообществах; анализ выступлений китайских политиков и работ китайских исследователей.

Чтобы приступить к рассмотрению «мягкой силы», следует, прежде всего, определить сущность понятия «сила» в международных отношениях. Классическим пониманием «силы» считается опреде-

ление, данное американским политологом Р. Далем: «Сила является способностью актора заставить действовать другого актора так, как в любом другом случае он бы не действовал» [4]. Подобная формулировка позволила сохранить пространство для дискуссии о том, какими средствами, в каких условиях, с помощью каких ресурсов акторы могут достигать своих целей.

В рамках международных отношений понятие «силы» долгое время сводилось исключительно к военным ресурсам. Однако по мере трансформации системы международных отношений, усложнения их структуры стала очевидной однобокость такого подхода. К концу XX в. значительное число научных школ пришли к пониманию необходимости расширенного толкования категории «сила». Стали предприниматься активные попытки осмысливания трансформации «силы» в международных отношениях. Исследователи выделили новые аспекты, уровни, виды «силы». Одним из результатов такого осмысливания стало выдвижение концепции «мягкой силы».

Концепция «мягкой силы». Идеи «мягкой силы» как инструмента воздействия и установления власти находят место еще в работах античных и древнекитайских ученых, описывавших концепции идеальной власти и идеального государства, лишенных насилия и принуждения. Истоки «мягкой силы» прослеживаются на протяжении Средневековья и Нового времени. Идеи «несилового» влияния развивались в работах Г. Гроция и И. Канта. Современные исследователи среди предшественников «мягкой силы» зачастую называют концепцию «культурной гегемонии», разработанную итальянским мыслителем А. Грамши [1].

Однако впервые термин «мягкая сила» выдвинут профессором Гарвардского университета Дж. Наэм в 1990 г. [14]. Ученый не давал четкого определения данного понятия. В разных работах фигурируют обрывочные и образные характеристики выдвинутой им концепции. Чаще всего «мягкая сила» обозначалась как «способность заставить своего партнера хотеть того же, чего и ты» [Там же]. Автор давал

и более короткие определения концепции, такие как: «мягкая сила — способность привлекать и увлекать» [15], «мягкая сила — способность убеждать, а не принуждать» [16]. Лишь спустя более чем два десятилетия работы над концепцией Дж. Най дал наиболее полное определение «мягкой силы» — это «способность влиять на других при помощи приобщающих инструментов, а также при помощи убеждения и привлекательности, с целью достижения желаемых результатов» [17]. При этом понятие «привлекательность» стало одним из основных в рамках концепции и рассматривалось как возможность способствовать формированию у граждан иностранных государств симпатии и восхищения политической системой и ценностями при помощи культурных, образовательных, идеологических и других ресурсов.

Концепция «мягкой силы» довольно часто подвергалась критике. В первую очередь это связано с тем, что данный подход не был разработан и выдвинут Дж. Наем в строго теоретическом смысле. Его работы, описывающие данный феномен, зачастую носят разрозненный, декларативный характер. Ни в одной из работ ученый не формулирует четкой последовательности формирования определения «мягкой силы», не устанавливает точный набор инструментария «мягкой силы». Экспертами отмечается также размытость и даже банальность концепции. В ответ на критику Дж. Най указывал на то, что единой или универсальной концепции «мягкой силы» не существует. Каждая страна обладает уникальным набором ресурсов, определяемых историей и культурой, внешнеполитическими задачами и международным опытом [Там же].

С конца 90-х гг. и особенно в последние несколько лет концепция «мягкой силы» привлекает все большее внимание китайских исследователей. Китайские учёные активно изучают различные аспекты «мягкой силы», в том числе то, как «мягкая сила» может помочь в реализации масштабных внешнеполитических задач. В то же время элементы концепции «мягкой силы» все чаще фигурируют во внешнеполитиче-

ских документах и в официальных речах высшего руководства Китая. Проблема активно изучается в главных научных центрах страны, таких как университеты Цинхуа и Фудань, Академия общественных наук КНР и т. д. Появляются и специализированные центры изучения «мягкой силы», такие как созданный в 2012 г. Гуандунский южный институт исследований «мягкой силы» (广东南方软实力研究院) или открытый в 2014 г. в Пекинском университете Национальный центр исследований «мягкой силы» культуры (国家文化软实力研究中心), на базе которого выпускается журнал «Культура и государственная мощь» (文化与国力). Кроме того, в 2016 г. в Хуанъянском университете начался выпуск научного журнала «Культурная мягкая сила» (文化软实力). Количество специалистов, занимающихся изучением проблем «мягкой силы» в Китае, постоянно увеличивается, что свидетельствует о растущей актуальности концепции для КНР.

Впервые термин «мягкая сила» введен в китайский научно-исследовательский оборот в 1993 г., когда профессор университета Фудань Ван Хунин опубликовал статью «Мягкая сила: культура как сила государства», в которой изложены основные положения концепции Дж. Ная и выдвинуты тезисы о важности использования культуры как политического инструмента [20]. Ван Хунин занимает должность главы Центра политических исследований при ЦК КПК, является членом политбюро ЦК КПК и считается одним из главных идеологов современной «мягкой силы» Китая.

Рост интереса к концепции «мягкой силы» в Китае в начале 1990-х гг. объясняется рядом причин. С одной стороны, китайская политическая наука двигалась вслед за общемировыми тенденциями, и обращение к новым подходам стало прямым следствием развития концепции на Западе. Однако в 1990-е гг. Китай впервые столкнулся с необходимостью реформации собственно го «имиджа» в международной политике. В условиях стремительного экономического роста, развития международной торговли и трансграничных контактов перед КНР

встала задача сокращения обеспокоенности проблемой «китайской угрозы» в мире. Негативное наследие культурной революции и подавления внутренних протестов, а также сохраняющаяся напряженность в Тайваньском проливе не могли способствовать становлению позитивного образа Китая в мире. Другой причиной обращения к ресурсам «мягкой силы» стало быстрое проникновение глобализации и американизации в китайское общество, которые ярко иллюстрировали возможности «мягкой силы» США. Все это привело как исследователей, так и лидеров страны к поиску новых инструментов внешней политики, которые с одной стороны, помогли бы упрочить положение КНР на международной арене, а с другой — изменить образ Китая в глазах потенциальных партнеров [19].

Вплоть до начала 2000-х гг. «мягкая сила» не находила места в официальной внешнеполитической стратегии КНР. Лишь в 2002 г. на XVI съезде Компартии Китая о важности культуры в политике заявил председатель КНР Цзян Цзэминь [6]. Однако сам термин вошел в китайский политический обиход только в 2007 г., когда на XVII съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао впервые употребил словосочетание «мягкая сила» в своем послании. При этом развитие «мягкой силы» упоминалась не в контексте внешней политики, а как способ «обогащения культурной жизни китайского общества и вдохновения энтузиазма для народного прогресса» [11]. На следующем съезде Компартии в 2012 г. констатировано официальное включение «мягкой силы» в политическую стратегию КНР. На XVIII съезде партии Ху Цзиньтао заявил о необходимости укрепления «мягкой силы» и продвижения китайской культуры на мировой арене [7].

Дискурс, разворачивающийся вокруг концепции «мягкой силы» в китайском научном сообществе, подвержен влиянию нескольких факторов. Во-первых, очевидно, что подход, разработанный, прежде всего, американскими учеными, в целом продолжает развитие в направлении, заданном на Западе. Однако на развитие исследований

«мягкой силы» накладываются особенности социально-политического развития современного Китая, среди которых идеологические установки Компартии КНР, а также внешнеполитические концепции китайского руководства, такие как «мирное возышение», «выход вовне», развитие «гармоничных» отношений с развивающимися странами и т. д. Западные исследователи отмечают, что важную роль в формировании китайского подхода к «мягкой силе» играют исторические и философские особенности развития китайской науки, например, конфуцианские принципы государственного управления [21]. Кроме того, у китайских исследователей есть возможность сравнивать опыт формирования и реализации стратегии «мягкой силы» не только с подходом западных держав, но и с практикой других азиатских государств, прежде всего, Японии, где на «мягкую силу» стали обращать внимание раньше, чем в Китае [10]. На основании этого можно говорить о том, что подход к концепции «мягкой силы», развивающейся в КНР, обладает уникальными особенностями. Складыванию отличительного китайского подхода способствует и то, что в западной науке до сих пор не сложилось единого подхода к пониманию «мягкой силы». При этом в последние годы наблюдается стремительный рост интереса к концепции «мягкой силы»: если в середине 1990-х гг. среднее число публикаций по данной тематике не превышало нескольких в год, то к концу 2010-х гг. ежегодное число таких публикаций стало превышать несколько сотен [13]. Дж. Най в рамках разработки своей концепции неоднократно рассматривал кейс китайской «мягкой силы», что способствовало развитию дискуссий о проблеме, в том числе и внутри Китая [18].

В рамках разработки формата реализации стратегии «мягкой силы» китайскими исследователями обозначено несколько основных целей, которые в первую очередь должна решать такая стратегия для КНР [22]. Прежде всего, это сокращение недоверия к Китаю в мире путем расширения уровня осведомленности о китайской

культуре и языке. Во-вторых, укрепление влияния КНР в развивающихся странах посредством развития интереса к китайской экономической и социальной модели. В-третьих, формирование статуса Китая как ответственной державы, подъем которой на мировой арене не несет угрозы ни для какого другого государства. То, какими средствами могут достигаться эти цели, является предметом обсуждений и дискуссий в китайском научном сообществе [2].

В классическом подходе, принятом на западе, основным проводником «мягкой силы» является гражданское общество и институты, напрямую не связанные с правительством — НКО, производители продуктов культуры, общественные деятели и т. д. Однако в китайской интерпретации роль главного проводника «мягкой силы» играет государство [9]. Именно на государственные институты ложится задача формирования позитивного имиджа страны. Отличительной особенностью китайского подхода к определению круга инструментов «мягкой силы» является то, что китайские исследователи относят к их числу средства массовой информации, в то время как в классическом подходе Дж. Ная и в целом среди западных ученых СМИ (а тем более государственные) рассматриваются скорее как средства пропаганды и поэтому не могут считаться инструментом «мягкой силы» [13].

В то время как на Западе «мягкая сила» понимается почти исключительно как феномен международных отношений и внешней политики, в Китае рамки концепции значительно расширяются. Для КНР «мягкая сила» — это не только инструмент внешнего действия, но и способ решения внутриполитических задач. Китайские лидеры часто упоминают «мягкую силу» как средство объединения населения страны, «развития культуры» и повышения уровня национального самосознания. Как отметил Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК: «...для великого возрождения китайской нации мы должны усилить работу в продвижении социалистической культуры, мы должны обеспечить ее развитие и обогащение, увеличить культурную мягкую силу Китая...»

[7]. Ярким примером комбинации внутренней и внешней «мягкой силы» является концепция «китайской мечты», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином. Направленная на формирование позитивного образа Китая за рубежом, одновременно «китайская мечта» несет мощный идеологический посыл внутри страны, выступает как инструмент объединения нации. Таким образом, «мягкая сила с китайской спецификой» выступает одновременно инструментом как внешней, так и внутренней политики. Западные исследователи объясняют такой подход стремлением Компартии Китая повысить качество государственной пропаганды, тем самым укрепить свою власть в стране и сплотить население вокруг действующего руководства [5].

Говоря о подходе китайских властей к формированию стратегии «мягкой силы», необходимо отметить, что в их интерпретации концепт почти всегда ограничивается исключительно культурной составляющей «мягкой силы» и зачастую в официальных документах и выступлениях фигурирует именно «культурная мягкая сила» (文化软实力). При этом «мягкая сила» выступает не только как способ формирования позитивного имиджа, но и как способ достижения других масштабных целей страны, лежащих на пути к процветанию. Данный подход поддерживается и китайскими исследователями. Так, Гао Чжаньсян в работе «Сила культуры» подчеркивает: «культурная безопасность является важным залогом национальной безопасности, традиционной военной безопасности, экономической и политической безопасности» [8]. Такую интерпретацию можно объяснить, с одной стороны, особым китайским подходом к определению сферы применения «мягкой силы». Именно культурный аспект может успешно применяться и во внутренней, и во внешней политике. С другой стороны, по мнению ряда исследователей, Китай пока не готов развивать собственный политический и экономический ресурс «мягкой силы», поэтому главный упор делается на культуру [12].

Несмотря на формирование особого подхода к концепции и появление «мягкой силы с китайской спецификой», китайская интерпретация имеет ряд общих черт с подходом, принятым на Западе. Общей особенностью двух интерпретаций в теоретической составляющей является отсутствие четких критериев определения успешности реализации стратегии «мягкой силы». При этом данные критерии всегда будут зависеть от целей, которые ставит перед собой актор, а подход к определению целей стратегии «мягкой силы» в западной и китайской интерпретации зачастую различается [12]. В то же время общим и для западного, и для китайского подходов является четкое понимание того, что привлекательный образ государства сегодня является важным политическим ресурсом. И на Западе, и в Китае уделяется все больше внимания формированию позитивного имиджа государства.

Заключение. Концепция «мягкой силы» в китайском исследовательском сообществе все еще находится на начальном этапе развития, что подтверждается тем, что термин “soft power” в китайском языке имеет сразу несколько широко используемых переводов, несущих разную окраску [2]. Кроме того, среди китайских исследователей нет общего понимания относи-

тельно конкретных результатов реализации стратегии «мягкой силы». Нет и однозначной позиции по вопросу того, является ли «мягкая сила» инструментом внутренней или внешней политики. Нет единства мнений об источниках мягкой силы внутри Китая: значительная часть китайских специалистов придерживается позиции об определяющей роли культуры в «мягкой силе», другие обращают внимание на возможности использования экономических и политических ресурсов при реализации стратегии. Как отмечает профессор Ханчжоуского университета Чжэн Бяо в книге «Мягкая сила Китая»: «Учитывая глубокие различия между китайской и западной культурами, Китаю необходимо развивать собственный подход... Необходимо развивать исследования мягкой силы Китая, описывать инструменты и подходы, наиболее подходящие для Китая» [23]. Этот подход характеризует современные тренды в изучении «мягкой силы» в Китае. Исследования приобретают более системный и фундаментальный характер, происходит процесс становления независимого научного направления. «Мягкая сила» занимает важное место в политической стратегии китайского руководства, что объясняет актуальность данной проблематики как внутри КНР, так и в международных исследованиях.

Список литературы

1. Агеева В. Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. СПб., 2016. 279 с.
2. Тарабарко К. А. «Мягкая сила» культуры: эволюция концепции в трудах китайских учёных // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7. С. 181–184.
3. Arif B. H. The role of soft power in China's Foreign Policy in the 21st century // International Journal of Social Sciences & Educational Studies. 2017. No. 3.
4. Dahl Robert A. The Concept of Power // Behavioral Science. 1957. July. P. 201.
5. Edney K. Soft power and the Chinese propaganda system // Journal of Contemporary China. 2012. Vol. 21. No. 78. P. 899–914.
6. Full text of Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (дата обращения: 29.09.2018).
7. Full text of Hu Jintao's report at 18th Party Congress [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.china-embassy.org/eng/zl/18th_CPC_National_Congress_Eng/1992917.htm (дата обращения: 24.09.2018).
8. Gao Zhanxiang. Wenhua li. Beijing daxue chubanshe, 2007.
9. Glaser B. S., Murphy M. E. Soft power with Chinese characteristics // Center for Strategic and International Studies. 2009. Vol. 10.

10. Heng Y. K. Mirror, mirror on the wall, who is the softest of them all? Evaluating Japanese and Chinese strategies in the ‘soft’ power competition era // International Relations of the Asia-Pacific. 2010. Vol. 10. No. 2. P. 275–304.
11. Hu Jintao’s report at 17th Party Congress [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm> (дата обращения: 16.10.2018).
12. Kivimäki T. Soft power and global governance with Chinese characteristics // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7. No. 4. P. 421–447.
13. Kurlantzick J. Charm offensive: How China’s soft power is transforming the world. New Haven; London: Yale University Press, 2007. 320 p.
14. Nye J. (Jr.) Soft power // Foreign Policy. 1990. No. 80. P. 167.
15. Nye J. (Jr.) The paradox of American Power: why the world’s only superpower can’t go it alone. Oxford: Oxford University Press, 2002.
16. Nye J. (Jr.) America’s soft learning curve [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/node/2188803> (дата обращения: 13.09.2018).
17. Nye J. (Jr.) The Future of Power. New York: Public Affairs, 2011.
18. Nye J. S. The rise of China’s soft power // Wall Street Journal Asia. 2005. Vol. 29. P. 6–8.
19. Sayama O. China’s approach to soft power seeking a balance between nationalism, legitimacy and international influence // Royal United Services Institute Occasional Paper. 2016. P. 4.
20. Wang Huning. Zuowei guojia shili de wenhua: ruan quanli // Fudan xuebao (shehui kexue ban). 1993. No. 3. P. 91–98.
21. Wuthnow J. The concept of soft power in China’s strategic discourse // Issues & Studies. 2008. Vol. 44. No. 2. P. 1–28.
22. Yan Xuetong, Xu Jin. Zhongmei ruanshili bijiao // Xiandai guoji guanxi. 2008. Vol. 1. P. 24–29.
23. Zheng Biao. Zhongguo ruanshili. Zhongyang bianljiu, 2015.

References

1. Ageeva V. D. *Rol instrumentov «myagkoy sily» vo vneshey politike Rossiyiskoy Federatsii v kontekste globalizatsii: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.04* (The role of “soft power” tools in the foreign policy of the Russian Federation in the context of globalization: dis. ... cand. political sciences: 23.00.04). St. Petersburg, 2016. 279 p.
2. Tarabarko K. A. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice), 2016, no. 7, pp. 181–184.
3. Arif B. H. *International Journal of Social Sciences & Educational Studies* (International Journal of Social Sciences & Educational Studies), 2017, no. 3.
4. Dahl Robert A. *Behavioral Science* (Behavioral Science), 1957, July, pp. 201.
5. Edney K. *Journal of Contemporary China* (Journal of Contemporary China), 2012, vol. 21, no. 78, pp. 899–914.
6. *Full text of Jiang Zemin’s Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002* (Full text of Jiang Zemin’s Report at 16th Party Congress on Nov 8, 2002). Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/3698_665962/t18872.shtml (Date of access: 29.09.2018).
7. *Full text of Hu Jintao’s report at 18th Party Congress* (Full text of Hu Jintao’s report at 18th Party Congress). Available at: http://www.china-embassy.org/eng/zt/18th_CPC_National_Congress_Eng/1992917.htm (Date of access: 24.09.2018).
8. Gao Zhanxiang. *Wenhua li* (Wenhua li). Beijing daxue chubanshe, 2007.
9. Glaser B. S., Murphy M. E. *Center for Strategic and International Studies* (Center for Strategic and International Studies), 2009, vol. 10.
10. Heng Y. K. *International Relations of the Asia-Pacific* (International Relations of the Asia-Pacific), 2010, vol. 10, no. 2, pp. 275–304.
11. *Hu Jintao’s report at 17th Party Congress* (Hu Jintao’s report at 17th Party Congress). Available at: <http://www.china.org.cn/english/congress/229611.htm> (Date of access: 16.10.2018).
12. Kivimäki T. *The Chinese Journal of International Politics* (The Chinese Journal of International Politics), 2014, vol. 7, no. 4, pp. 421–447.
13. Kurlantzick J. *Charm offensive: How China’s soft power is transforming the world* (Charm offensive: How China’s soft power is transforming the world). New Haven; London: Yale University Press, 2007. 320 p.
14. Nye J. (Jr.) *Foreign Policy* (Foreign Policy), 1990, no. 80, pp. 167.

15. Nye J. (Jr.) *The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone* (The paradox of American Power: why the world's only superpower can't go it alone). Oxford: Oxford University Press, 2002.
16. Nye J. (Jr.) *America's soft learning curve* (America's soft learning curve). Available at: <http://www.economist.com/node/2188803> (Date of access: 13.09.2018).
17. Nye J. (Jr.) *The Future of Power* (The Future of Power). New York: Public Affairs, 2011.
18. Nye J. S. *Wall Street Journal Asia* (Wall Street Journal Asia), 2005, vol. 29, pp. 6–8.
19. Sayama O. *Royal United Services Institute Occasional Paper* (Royal United Services Institute Occasional Paper), 2016, pp. 4.
20. Wang Huning *Fudan xuebao (shehui kexue ban)* (Fudan xuebao (shehui kexue ban)), 1993, no. 3, pp. 91–98.
21. Wuthnow J. *Issues & Studies* (Issues & Studies), 2008, vol. 44, no. 2, pp. 1–28.
22. Yan Xuetong, Xu Jin. *Xiandai guoji guanxi* (Xiandai guoji guanxi), 2008, vol. 1, pp. 24–29.
23. Zheng Biao. *Zhongguo ruanshili* (Zhongguo ruanshili). Zhongyang bianliju, 2015.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Гарбарт Максим Игоревич, аспирант, Томский государственный университет, ассистент кафедры всеобщей истории, Гуманитарный институт Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия. Область научных интересов: международные отношения, внешняя политика КНР, Латинская Америка, развитие отношений между КНР и странами Латинской Америки
maxharbart@yandex.ru

Maxim Garbart, postgraduate, Tomsk State University, assistant General History department, Humanitarian Institute of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. Sphere of scientific interests: international relations, foreign policy of China, Latin America, China – Latin America cooperation

Образец цитирования

Гарбарт М. И. «Мягкая сила с китайской спецификой»: основные особенности китайского подхода к концепции на современном этапе // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 1. С. 46–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-1-46-53.

Garbart M. “Soft power with Chinese characteristics”: the main features of the Chinese approach to the concept at the present stage // Transbaikal State University Journal, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 46–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-1-46-53.

Статья поступила в редакцию: 03.10.2018 г.
Статья пришла к публикации: 09.01.2019 г.

